

А.В. ПОПОВИЧ
(Херсон)

**МАСОНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ
ЗОЛОТОГО ВЕКА В «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ» ОДАХ
М. ХЕРАСКОВА, В. МАЙКОВА, И. БОГДАНОВИЧА**

Одним из конститутивных признаков переходности исследователи считают всплеск эсхатологических настроений, связанных с разрушением привычной и устоявшейся картины мира (Н. Хренов, И. Яковенко, А. Мережинская, В. Силантьева, Н. Ильинская), что находит художественное воплощение в поэтическом пространстве русской литературы рубежа XVIII – XIX веков. Художественное сознание, стремясь к обретению стабильности и положительных ценностей, находит ее в мифе о Золотом веке, рецепция которого выполняет «компенсаторные» функции, выступая в роли стабилизирующего фактора. Представления о блаженных временах древности существуют во многих религиозно-мифологических системах, но для античной трактовки мифологемы, ставшей претекстом для европейской литературной традиции, характерными мотивами являются вечная весна, самопроизвольное плодородие земли, изобилие, идиллическая жизнь на лоне природы, безмятежное, не обремененное трудом существование, отсутствие золота, а следовательно, войн, спокойствие, справедливость, воплощенная в образе богини Астреи, расцвет наук, искусств.

В русской литературе второй половины XVIII века мифологема разрабатывается как одической, так и идиллической поэзией. Первая жанровая модификация актуализирует политические коннотации мифологемы, усматривая наступление Золотого века в приходе к власти каждого нового монарха (В. Проскурина, Т. Абрамзон, А. Петров). Во второй реализуется пасторальная компонента мифологемы, представляя блаженными временами патриархальную, «естественную» жизнь в сельской усадьбе (Е. Зыкова). Однако особого внимания заслуживает обращение к мифу о Золотом веке в рамках масонской мифологии, согласно которой «водители» масонской толпы стремятся повести «братьев» в новый рай на земле, в золотой

век справедливой богини Астреи» [9, 106]. Интерпретацию мифологемы в контексте учения вольных каменщиков можно проследить в так называемых «философических» одах М. Хераскова, В. Майкова, философско-дидактической поэме И. Богдановича «Блаженство народов».

Масонские взгляды М. Хераскова реализуются в интерпретации мифа о Золотом веке в «философической» оде «Апрель» (1783). Тематически эта ода принадлежит к стихотворениям «на случай» (здесь: на первое апреля). Композиционно стихотворение делится на три части: интродукцию, представляющую собой условную картину весны, написанную в идиллическом ключе, вводящую в необходимое лирическое состояние; основную часть, в которой раскрывается мифологема Золотого века, представленная в образе земли первых дней Творения, «когда Господь ей образ дал» [12, 137]; финал, своеобразный антитезис, возвращающий в настоящее. Весна изображена условно, но, пробуждая природу, она обладает демиургическими функциями: «Новый созидает мир» [12, 136], «Творцу вселенной подражает, / Даруя тварям бытие» [12, 137], возвращая лирического субъекта к блаженным дням в начале Творения, вечной весне Золотого века, извлекающей «из вечной бездны» весь тварный мир. Мифологема реализуется в оде М. Хераскова как начало времен, вариант Эдема, отчасти репрезентируя ее масонскую трактовку. Из мотивного комплекса, характерного для античного воплощения мифологемы, присутствуют только естественные, природные мотивы, не связанные с человеком, его деятельностью: темпоральная константность («времен цветущих в постоянстве» [12, 137]), ликующая природа, покрытые стадами горы, «хоры поющих птиц» [12, 137]. Образ цветущей земли, увиденной лирическим субъектом невестой, ждущей встречи с женихом, актуализирует архетипический образ матери-земли, представляет собой рецепцию образа страны / города как женщины, характерную для библейской мифологии [11]. Картина первых дней Творения вызывает у лирического субъекта чувство радости, веселья, сходное с ощущением прихода весны, которое уже в следующей строфе сменяется скорбью, поскольку основное отличие Золотого века от современности – состояние невинности, одной из главных масонских добродетелей [10, 277]. Психологический параллелизм завершается антитезой радость – разочарование, лексиче-

ски выраженной посредством оппозиции прежний – наш. Обман, ставший обязательным для первого дня апреля, метонимически распространяется на всю человеческую жизнь, становясь константным для современных поэту людей состоянием: «Апрель обманом начинаем, / Едва ль не весь наш век – апрель» [12, 137]. Утрата человечеством знания о нравственных первопричинах Золотого века приводит к невозможности его достижения; весна воспринимается данной природой надеждой на осуществление мечты о блаженных временах, но обычай первоапрельского обмана, порочность человеческой природы делает ее недостижимой.

Показательно, что в «Стихах на первое апреля» (1775) М. Муравьева эта дата также рассматривается негативно: привлекая образы античной мифологии, сочетая их с некоторыми масонскими мотивами, поэт высмеивает обычай первоапрельского обмана. День первого апреля выступает у поэта в образе химеры – мифического чудовища, соединяющего в себе черты льва, козы и змеи (по другой версии – льва, козы и дракона), а сам лирический субъект воплощается в образе сразившего ее Беллерофонта. В поэтическом сознании М. Муравьева химера, являющаяся персонификацией человеческих пороков, обретает и антропоморфные черты: «Нестройный изувер, змей, тигр и человек» [6, 138]. На фонетическом уровне образ химеры, ее змееподобность переданы обилием шипящих и свистящих согласных, характерных гласных: «Блестящей чешуей слоистый хвост свивая, шипит...» [6, 138]. Слепота лирического героя снимается появлением аллегорической фигуры Истины, открывшей внутренний облик химеры, представляющий собой сплетение пороков. Можно предположить, что мотив слепоты и образ Истины связаны с масонством: мнимая слепота ученика является частью масонского обряда посвящения, а истина «входит важной частью в систему орденовых принципов наряду с... прочими добродетелями, исключаящими лицемерие и обман» [10, 250]. Известно, что М. Муравьев не принадлежал к масонам, но будучи близко знакомым с В. Майковым и М. Херасковым, мог иметь представление об особенностях масонского мировосприятия, некоторых масонских символах. Как и в стихотворении М. Хераскова, день первого апреля у М. Муравьева соотносится со всей человеческой жизнью, но речь идет не об обмане,

а о готовности обманываться, легковёрности, искони присущей человеку.

В оде В. Майкова «Война» (1773) картины Золотого века композиционно обрамлены страшными описаниями войны. По мнению А. Западова, это «едва ли не единственное произведение в нашей поэзии XVIII века, наполненное картинами разрушений, причиняемых оружием» [3, 30]. Образ Золотого века, противопоставленный войне, представлен в исходном мифологическом значении как блаженные времена древности, характеризующиеся спокойствием, «сладким миром», который аллегорично подчеркивается видоизмененной библейской формулой: «Там с агнцем почивает лев» (Ис. 11:6; Ис. 65:25). Мотив самопроизвольного плодородия земли отсылает к античным картинам Золотого века (Гесиод, Овидий). Отметим традиционный для трактовки мифологемы В. Майковым мотив веселья: «Там вся природа веселится» [5, 232]. Массонская позиция поэта выражается в социо-этической картине Золотого века: расцвет добродетели, справедливости, отсутствие пороков; всеобщее братство: «Там жители земного круга / Едина кажется семья» [5, 232]; знаковым является употребление в качестве обстоятельства к словосочетанию «счастлива жизнь» массонской формулы «свобода, равенство и братство»; торжество «единой веры» и закона. Конец блаженных времен также дан в формате массонских взглядов поэта: причина его в тщеславии человека, в его неблагодарности по отношению к Творцу, создавшему человека по своему подобию. Отметим, что, несмотря на принадлежность М. Хераскова и В. Майкова к массонам, образ Астреи, который в массонской интерпретации мифологемы «символизирует идеалы златого века в будущем» [10, 216] (царство Астреи), в их одической поэзии не фигурирует. Воплощение в образе Астреи Екатерины, обращение к богине как «завуалированный политический призыв» [8] к императрице, В. Проскурина усматривает в опубликованном в майском номере «Полезного увеселения» за 1762 год стихотворении М. Хераскова «Письмо к самому себе», но, как представляется, поэт использует мифологический сюжет о смене веков с дидактической целью, а Астрея является лишь мифонимом, персонализирующим справедливость.

В массонской парадигме истолкована мифологема Золотого века в философско-дидактической поэме И. Богдановича «Сугубое бла-

женство», позже сокращенной и переименованной в «Блаженство народов» (1773), поднесенной автором цесаревичу Павлу. Мифология Золотого века, интерпретированная в рамках масонских и просветительских взглядов поэта, подчинена здесь политической дидактике, блаженная жизнь Золотого века представлена образцом идеального существования. Автор делает установку на дидактичность, важность положительного примера, оставляя на периферии изначальную мифологическую составляющую. Налицо тенденции к авторскому мифологизированию, поэт творит индивидуальный миф о Золотом веке, развивая отдельные античные мотивы в парадигме масонской мифологии с учетом актуальных для того времени просветительских концепций. Из мотивного комплекса античного мифа в его гесиодовском и овидиевском изводе акцентированы мотивы мира, тишины («одические топосы» (Л. Пумпянский)), отсутствия войн, плодородия, труда на благо общества, являющегося одной семьей, детьми единого Господа: «Исполнен каждый был ко ближнему любви, / И в каждом почитал и брата и отца; / Они считали все себя единой крови, / Имея бытие от одного Творца» [2, 190]. Вводя мотив всеобщего братства, И. Богданович актуализирует масонскую аксиологию, в ключе которой воспринимаются и константы Золотого века в творческом сознании поэта – «невинность, истина, любовь и добродетель». В трактовке И. Богдановичем конца Золотого века противоречиво сочетаются масонская концепция свободной воли как причины падения первых людей и его просветительские взгляды. Истоки бед в самом человеке, это, прежде всего, его стремление к познанию мира посредством разума, не довольствуясь данными ему Творцом чувствами, это просвещенность, обращенная во зло. Свободная воля человека – «некая бунтующая сила» [2, 191], подобно язве поражающая одного за другим. Рисуя конец Золотого века, И. Богданович использует эсхатологическую образность различных мифологических систем: христианский ад испускает античных фурий, по полям текут «ручьи кровавы», грозные небеса Ветхого завета готовы карать неправедных, насылая на них «различные напасти» (девять казней египетских), в формате масонских и просветительских взглядов поэта приобретающие вид пороков. Единство людей рушится вследствие междоусобиц («восстал на друга друг»), рациональное – источник всех бед: «Науки сделались орудием их

мести, / И разум растравлял жестокость общих ран» [2, 192]. Спасение человечества видится поэту в новом мире, данном творцом, когда «был избран человек подать законы всем» [2, 192], которого «народ, покорствуя, нарек... царем» [2, 192]. Таким образом, в мифе о Золотом веке, творимом И. Богдановичем, получает реализацию просветительская теория «общественного договора», созвучная масонской концепции просвещенного монарха, избранного для установления нового Золотого века, который бы «прежних тишину веков возобновил» [2, 193]. Поэт актуализирует масонский мотив алтарей в сердцах, придавая ему форму храма в сердце, коррелирующего с небесным храмом судеб, где «путь непостижим и неприступен свет» [2, 193]. Показательно, что, в поэме, предназначенной Павлу, описывая гипотетического просвещенного монарха, поэт в заключительных строках акцентирует заслуги Екатерины в творении Золотого века в России, завещая «россам», а вместе с ними и цесаревичу, хранить «дни златья», актуализируя характерный для мифологемы Золотого века, но не слишком уместный в сложившейся политической ситуации топоним «исторической преемственности».

Показательно, что просветительские концепции в сочетании с масонскими взглядами остаются актуальными для некоторых авторов и в первой четверти XIX века. Так, М. Дмитриев-Мамонов, также принадлежащий к ордену вольных каменщиков, создает стихотворение «Истина», по стилистике напоминающее духовные оды поэтов XVIII века. Используя яркую масонскую эмблематическую и символическую образность, поэт рисует персонифицированный портрет Истины, уподобляя ее солнцу и Астрее. По мысли М. Дмитриева-Мамонова, обязательным условием наступления Золотого века является обращение к истине монарших особ, что отражает масонскую концепцию просвещенного государя. Блаженные времена Золотого века поэт характеризует прежде всего миром, превращением меча в орало, отрицанием войн и провозглашением всеобщего братства. Показательным для идентификации масонских позиций автора является образ «лона вечная любви», в котором, однако, угадываются образность «Гимна к радости» Ф. Шиллера и «Песни мира» Н. Карамзина. Стихотворение Н. Карамзина также насыщено эмблематикой, в нем фигурирует образ Астреи. Но, как представляется, сентиментально-преромантическая лексика автора «Моих безделок» не

отвечает серьезности масонских воззрений М. Дмитриева-Мамонова, поэтический слог которого исполнен торжественности, обильно уснащен славянизмами и библеизмами.

Обращение к образу Астреи у Н. Карамзина и М. Дмитриева-Мамонова, на наш взгляд, связано с тем, что этот мифоним уже утрачивает связь с фигурой Екатерины II, которая для В. Майкова, И. Богдановича и М. Хераскова была очевидной. Учитывая сложные отношения Екатерины и масонов, сумароковская традиция номинации императрицы как Астреи была неприемлемой для названных поэтов (Астрея, согласно античному мифу и масонской мифологии – персонификация справедливости). Тогда как для Н. Карамзина и М. Дмитриева-Мамонова образ Астреи представляет собой только элемент мифа о Золотом веке.

Подводя итоги, отметим, что в «философических» одах поэтов, принадлежащих к ордену вольных каменщиков (В. Майков, И. Богданович, М. Херасков), мифологема Золотого века реализуется в парадигме масонской мифологии, принимая облик дней в начале творения, характеризуемых миром, всеобщим братством, этической непорочностью человека. Но в противовес масонским представлениям о будущем «царстве Астреи», поэты локализируют Золотой век в прошлом, видя причину его недостижимости в утрате человечеством духовных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон Т.Е.* Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин): Монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – 480 с.
2. *Богданович И.Ф.* Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1957. 259 с.
3. *Западов А.В.* Творчество В.И. Майкова // *Майков В.И.* Избранные произведения. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – С. 5-52
4. *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1966. – 425 с.
5. *Майков В.И.* Избранные произведения. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – 504 с.
6. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1967. – 388 с.
7. *Поэты 1790–1810-х годов.* – Л.: Советский писатель, 1971. – 901 с.

8. *Проскурина В.* Миф об Астрее и русский престол // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 63; <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/63/prospr.html>
9. *Сахаров В.* Русское масонство в портретах. – М.: ООО «АиФ Принт», 2004. – 512 с.
10. *Соловьев О.Ф.* Масонство. Словарь-справочник. – М.: Аграф, 2001. – 432 с.
11. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 121-132
12. *Херасков М.М.* Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1961. – 411 с.